

Круглый стол «Евреи и украинцы: послевоенный советский период»

UJE (1–4 октября 2017 г., Покантико, США)

Панель «Е» – Украинские и советские диссиденты

Иосиф ЗИСЕЛЬС

Украинские и еврейские диссиденты: от общей борьбы к самореализации в национальных государствах

Вступление

Уважаемые организаторы «круглого стола», спасибо за приглашение.

Я не исследователь и не историк, но начиная с конца 60-х гг., то есть почти 50 лет, достаточно активный участник событий и взаимоотношений, представленных на рассмотрение в этой панели.

Узнав о конференции, я обратился к ее организаторам с предложением о моем участии.

Я нашел в личной и других библиотеках около 40 книг – воспоминаний украинских и еврейских диссидентов, взял десяток интервью у знакомых диссидентов в Украине, Израиле и Германии.

Работая над этим докладом, я основывался на трех принципах: правда о прошлом, немемуарный формат и отрицание «розовых очков».

На мой взгляд, рекомендациями организаторов хронологические рамки связей украинских и еврейских диссидентов слишком сужены, ведь невозможно понять это сотрудничество в 70-е гг., не проанализировав основные и, что более важно, контраверсионные моменты общей истории.

Замечу также, что выделение из контекста диссидентского движения в СССР 50–80-х гг. исключительно украинско-еврейские отношения обесцвечивает общую картину, поскольку выводит за пределы

исследования яркие страницы сотрудничества с российскими, литовскими и армянскими диссидентами.

Взаимоотношения и сотрудничество между украинскими и еврейскими диссидентами во времена «Хельсинкского процесса» не будут понятными без знания событий 60-х – начала 70-х гг. Еще интереснее было бы исследовать такие процессы, начиная с конца XIX в., то есть начала активного развития национальных идеологий и формирования общественных и политических институтов обоих народов.

В течение совместной истории мы наблюдаем лишь внешние последствия нескольких мощных тенденций: стремление миллионов людей мирно сосуществовать, естественную ксенофобию и раздор, спровоцированный имперскими силами для манипуляции подневольными народами, наконец трагические события XVII–XX вв., которые по-разному оцениваются украинцами и евреями, формируют различные национальные концепты исторической памяти наших народов.

Немного печальной истории

Вот что пишут о восстании украинских крестьян и казаков против Речи Посполитой (1648–1649) Павел-Роберт Магочий и Йоханан Петровский-Штерн в книге, изданной при содействии UJE 2016 [1]:

«В результате прочного экономического союза евреев и польских магнатов – не говоря о традиционных христианских установках в Европе тех времен – большинство христиан, преимущественно сельское православное население Украины, видело евреев как народ другой веры (иудаизма), другого экономического статуса (функционеры при магнатах), другого социального уклада (городского) и другого языка. Именно поэтому их считали чужаками...».

«Согласно тогдашним хроникам, когда казаки стояли осадой под городскими стенами, поляки время от времени отдавали евреев города казакам на расправу ради обещанного перемирия, даже несмотря на то, что казаки переходили к расправе над шляхтой в тот же момент, когда

евреев, готовых помогать полякам защищать города, больше не оставалось. В этих довольно запутанных обстоятельствах было истреблено несколько десятков еврейских общин – в частности Тульчина, Немирова и Полонного. Из 80 000 евреев, живших в то время в Восточной Польше, предположительно от 14 до 18 000 погибли и около тысячи принудительно обращены в православие. Еще несколько тысяч стали беженцами, включая приблизительно тысячу пленников крымскотатарского войска (вознаграждение за военную поддержку казацкого восстания), которых ожидала судьба живого товара на невольничьих рынках Крыма и Стамбула.»

В знак скорби по евреям, погибшим в Катастрофе 1648–1649 гг., установлен пост 20 Сивана, жертвы кровопролития в еврейской традиции считаются мучениками.

Восстановление еврейских общин после Хмельниччины продолжалось длительное время, а в начале XVIII в. трагедия вновь вернулась в их жизнь:

«...гайдамаки напали на проезжих купцов, на небольшие поселки (преимущественно на евреев-арендаторов) и на еврейские местечки, лишённые какой-либо защиты, грабили, насиловали, убивали. В годы подъёма движения (1734, 1750, 1768) крупные отряды гайдамаков совершали набеги даже на хорошо укрепленные города, что обычно влекло за собой значительное число жертв среди еврейского населения. Гайдамаки устроили резню евреев в ряде городов в 1738 и 1742 гг. Особой жестокостью отличались погромы в Виннице и Володарке 1750 г. Но все эти бедствия несопоставимы с неслыханной по масштабам общей резней, учиненной гайдамаками в ходе крупнейшего их мятежа 1768 г. в Умани, в результате которой погибло около 20 тыс. жителей (преимущественно евреев)» [2].

Необходимо отметить, что во время «Колиивщины» погибли не только евреи, но и многие поляки и украинские-греко-католики.

Следует обратить внимание на то, что традиционное место «жида» в Рождественском вертепе, его психологические черты и сотрудничество с врагом христиан – царем Иродом, не только не способствовали

преодолению исторических стереотипов, а наоборот – закрепляли в массовом сознании образ врага и коллаборанта.

Следующий трагический этап совместной истории – это еврейские погромы 1881–1883 гг. Вот как пишут об этом в названной выше работе Магочий и Петровский.

«...Убийство Александра II в марте 1881 года создало в большей части Российской империи атмосферу политической нестабильности и общественного напряжения. Именно в этом контексте крестьяне и массы горожан первого поколения выплеснули свою злость в ряде погромов еврейских домов и магазинов в более чем в трех десятках городов и местечек и в более чем в двух сотнях сел. Жесточайшие погромы произошли в центре и на юге Украины – в Елисаветграде, Екатеринославе, Бердянске, Киеве, Николаеве и Херсоне. Количество смертей в результате погромов 1881–1882 годов было в сравнительном смысле небольшим, погибло примерно пятьдесят человек, из которых половину погибших составляли сами погромщики, убитые подразделениями, командированными в города и местечки для подавления мятежников...»

«Эмиграция [евреев] за границу усилилась в начале Российской революции 1905 г., когда режим Николая II – в осязаемое преимущество предыдущему сравнительно мирному периоду правления Александра III – умышленно организовал и манипулировал антиеврейским насилием, чтобы таким образом воспрепятствовать революционной деятельности в стране. При поддержке полиции и армии (иногда включая призывников) только в 1905 г. еврейские погромы взорвались более чем в пятистах городах по всей подросийской Украине. Следствием массового антиеврейского насилия было около тысячи жертв, в частности в Одессе, Екатеринославе, Киеве и Кишиневе.»

Не буду отдельно останавливаться на еврейских трагедиях во время гражданской войны (лишь в 1919 г. произошло около 1300 погромов, в которых было убито от 50 до 60 000 евреев) и Второй мировой (Холокост – 1,5 миллиона евреев в Украине).

Гражданская война, ЗУНР и УНР, еврейские погромы и массовые убийства евреев всеми воюющими сторонами не только не ослабили упомянутые ранее стереотипы, но и закрепили их, толкнув часть евреев бывшей Российской империи в «объятия большевиков», что, в свою очередь, породило новый формат ненависти к евреям – печально известный образ «жидокоммуны».

На вопрос, действительно ли большинство евреев в 1917 г. поддерживало большевиков, дают ответ результаты выборов делегатов на Всероссийский еврейский съезд, проведенных еврейскими политическими партиями и общественными организациями после Февральской революции. Как свидетельствуют документы, большинство делегатов съезда было избрано от сионистских партий.

«...на выборах в руководящие советы реорганизованных еврейских общин 29 городов России состоявшихся во второй половине 1917 г., сионисты завоевали 446 мест (в том числе Поалей Цион – 44), ортодоксы – 139, Бунд – 124, Фарейникте – 78)...»[3].

Такие результаты промежуточных выборов делегатов съезда убеждают в абсурдности мифа, что евреи Российской империи после революции в основном поддержали большевиков.

Из-за начала гражданской войны и противодействия большевистской власти съезд так и не состоялся [4], но рожденная в недрах «белого движения» идея тождественности большевиков и евреев некритично использовалась и в дальнейшем.

Члены сионистских партий и других еврейских организациях преследовались большевиками с начала 20-х гг., но кто в украинских организациях диаспоры, где готовились к созданию ОУН, хотел об этом знать? Поэтому не удивительно, что в начале существования ОУН имела определенную антисемитскую окраску, потому что к предыдущим стереотипам добавились новые мифы. Мы услышали это в докладе Владимира Вятровича на Парижской конференции по Холокосту в Украине [3].

«Отношения украинцев и евреев в первой половине XX в. формировались не только под влиянием тогдашних общественно-политических условий. На них отразились стереотипы, утвержденные в течение предыдущих веков. Для евреев украинцы в значительной степени ассоциировались с погромами, а украинские герои – Хмельницкий, Гонта, Зализняк и Петлюра – стали едва ли не самыми большими антигероями в еврейской истории. Для украинцев образ еврея был связан с национальным и социальным угнетением, а после установления советской власти еще и с кровавыми репрессиями большевиков.»

Между войнами взаимное непонимание и отчужденность двух народов углублялись в разных плоскостях: национальной (украинец – еврей), религиозной (христианин – иудей), асоциальной (бедные крестьяне – богатые горожане), политической (антипольские и антисоветские украинцы – лояльные к власти евреи), экономической (украинская кооперация – традиционная еврейская монополия на торговлю). Ускоренная модернизация украинской нации в межвоенный период, ее политизация и урбанизация катализировали конфликт. Такими были условия, при которых свою позицию по еврейскому вопросу должны были сформировать украинские националисты.»

Коммунистическая пропаганда разделяла украинцев на «правильных» и «националистов» и не жалела черной краски для последних, эта пропаганда так же не критично воспринималась многими лояльными к советской власти евреями.

Ко Второй мировой войне наши народы подошли без национальных государств, которые могли бы защитить свои народы, с накопленными негативными стереотипами, и понесли колоссальные потери, прежде всего от нацистского режима и его союзников. Позорными стали многочисленные случаи коллаборации и участия местного населения в ограблении и уничтожении евреев. Но мы восхищаемся героизмом рядовых украинцев, которые, рискуя собственной жизнью и жизнью своих детей, спасали евреев от неминуемой смерти.

Более десяти лет вооруженной борьбы украинцев против советской империи, несмотря на отдельные попытки создать общий фронт борьбы против коммунизма, не имели положительных результатов, сотни тысяч украинцев заплатили жизнью и выселением из родных мест в эти годы.

В упомянутом докладе Вятровича прослеживается определенный антисемитизм в ОУН на момент образования организации, генезис этой позиции в идеологии ОУН, радикализация взглядов в отношении евреев в начале войны и существенное затухание этих настроений в идеологии и документах ОУН в период ее окончания. Вятрович акцентирует внимание на государственных корнях антисемитизма ОУН в отличие от расовых в нацистской идеологии:

«Жиды в СССР являются самой верной опорой господствующего большевистские режима и авангардом московского империализма в Украине. Антижидовские настроения украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от действительной причины бедствия и чтобы в любое время взрыва направить их на погромы евреев. Организация Украинских Националистов борется против жидов как опоры московско-большевистского режима, убеждая в то же время народные массы, что Москва – это главный враг».
[Решение Второго большого сбора ОУН: ОГА СБУ, ф. 13, д. 376, т. 4, арк.33].

У рядового читателя отчасти может возникнуть впечатление, которое со временем трансформируется в негативный стереотип, что почти все попытки борьбы активно настроенной национальной части украинского социума против Польши, Российской империи и СССР за национальное освобождение и попытки построения собственного государства сопровождались массовыми жертвами среди определенных этнических и религиозных меньшинств, в частности среди евреев. Этот негативный стереотип усиливался и закреплялся советской пропагандой.

Единственное и, очевидно, не случайное исключение из этого печального вывода – последние этапы украинской революции, что пришлось на конец XX – начало XXI в. И мы с вами стали свидетелями и участниками этих выдающихся событий. Наши Майданы позволяют

надеяться на то, что массовые жертвы евреев и других меньшинств остались в колониальной фазе истории Украины.

В 1991 г. украинцы практически впервые в истории стали большинством в своей стране. Этот важнейший фактор стал определяющим в существенном изменении идентичности всего народа. Этот процесс мы наблюдаем уже 26 лет. И именно в течение этих лет, как следствие изменения идентичности, происходит процесс формирования украинской политической нации, когда наряду с изменениями идентичности титульной нации изменяется идентичность меньшинств, в частности евреев.

Но это сегодня, а к середине XX в. наши народы подошли с уже сформированными массовыми негативными стереотипами относительно друг друга.

Такой печальный «багаж» мы имели перед началом этапа антикоммунистической борьбы в конце 50-х гг. В 60-е гг. начался процесс возрождения национальных движений среди украинцев и евреев, происходивший на начальном этапе без взаимодействия диссидентских сообществ.

Интересно исследовать бытовые, научные и производственные контакты украинцев и евреев, впоследствии присоединившихся к своим национальным движениям, которые могли бы подтвердить размывание или усиление стереотипов. В 40–50-е гг. в советских тюрьмах и лагерях было много евреев, но гораздо больше – украинцев, однако почти что нет воспоминаний о контактах или сотрудничестве между украинскими националистами и еврейскими активистами или сионистами тех времен. В немногочисленных воспоминаниях евреи подтверждают выдающуюся роль украинцев из УПА в восстаниях в концлагерях и отсутствие негативной настроенности.

Тотальное давление репрессивной системы сводило жизни и украинцев, и евреев к необходимости выживания, когда энергии хватало только на поддержание жизни и взаимодействие в собственном национальном кругу. Смерть Сталина и «хрущевская оттепель» ослабили

силу тоталитарной системы и породили тенденцию ее трансформации в авторитарную: условно и относительно «вегетарианскую». Поэтому именно в 60-е гг. усиливаются национальные движения и устанавливаются первые контакты между представителями украинского и еврейского диссидентских сообществ.

Структура разных политико-идеологических направлений в украинском и еврейском движениях

Пока национальные движения развивались в условиях «оттепели», то есть в условиях незначительного увеличения «свободы» и уменьшения репрессий, в них начали появляться различные группы, между которыми в начале 60-х гг. не существовало даже элементарных связей и обмена информацией, не говоря уже о взаимодействии, даже в пределах одного этнического социума.

В конце 60-х – начале 70-х гг. внутри национальных движений появляются идеологические разветвления. Так, еврейское среда начинает делиться на «диссидентов» и «националистов».

Вот как ответил Натан Щаранский на вопросы во время интервью [5] (здесь и далее перевод докладчика).

«В вашей деятельности в СССР чего было больше – сионизма или диссидентской правозащитной деятельности?»

Таким вопросом меня преследуют все эти годы – еще с тех времен в СССР. Я был активным участником как сионистского, так и диссидентского движения... Мною были недовольны в Израиле – доходило даже до угроз и требований прекратить участие в диссидентском движении. Они хотели, чтобы евреям дали тихо уехать, чтобы мы не раздражали сильно власть. Но я не согласен с этим.

Не понимали меня и с другой стороны – диссиденты говорили мне: выбирай – ты человек мира или представитель своего племени. Но я не делал и этого выбора.

Я чувствовал прямую связь – найдя свои корни, я должен был бороться и за свой народ, и за лучшую жизнь для других народов. Сегодня каждому молодому еврею, который не уверен, заниматься ли ему проблемами всего мира или только евреев, я говорю: если хочешь влиять на мир – силы ты можешь найти только в своих корнях ...»

Националисты, в свою очередь, начали делиться на «политиков» (сионистов) и «культурников».

Приведу цитату из своей статьи 1999 года «Еврейский самиздат» [6]:

«Непосредственно в еврейском самиздате можно выделить кроме художественного направления – политическое направление, которое, в свою очередь, условно можно разделить на две части. Первая... касалась различных израильских событий, израильских войн и отношения к тем или иным вопросам израильской политики. Начиная с конца 50-х гг., такие произведения появлялись за счет того, что собирались материалы израильского радио, записывались, расшифровывались и распространялись в самиздате.

Другую часть политического еврейского самиздата можно отнести к внутренним проблемам евреев Советского Союза, когда в середине 70-х гг. стало заметным определенное разделение или даже конфликт между эмиграционным направлением, сионистской ветвью и «культурным» направлением в еврейском движении.

Этот конфликт возникал постепенно и корни его можно проследить гораздо раньше. Примерно в 70-м году известный автор Юлий Телесин (его называли в 60-е гг. Принц Самиздатский), посвятивший всю сознательную жизнь распространению самиздата, собрался выезжать за границу. К нему пришла группа еврейских активистов-«отказников», и в частности путем угроз, пыталась заставить не заниматься общедемократическими вопросами, чтобы не помешать сугубо выездным проблемам.

На самом деле не все придерживались такой точки зрения, и в 75-м, когда еврейское движение четко разделилось на две части, эти события нашли свое отражение в самиздате... Основной тезис «политиков»

заключаясь в том, что надо сосредоточиться только на борьбе за выезд... «культурное» направление, отделившееся в 75-м, вобрало в себя очень многих людей, которые утверждали, что необходимо развивать и восстанавливать еврейскую культуру здесь, и даже для тех, кто будет выезжать, это не менее необходимо, чем для тех, кто остается. Считалось, что среди массива советских евреев, которых тогда насчитывалось около 2 млн., лишь незначительная часть, примерно 10%, пытаются уехать, остальные стремятся оставаться и знать о еврейской культуре и получать еврейское образование.»

Моя встреча в феврале 1978 г. в Москве на пресс-конференции, посвященной годовщине со дня ареста Щаранского, с еврейскими активистами Идой Нудель и Владимиром Слепаком также продемонстрировала, что сионисты не понимают, для чего евреи занимаются общедемократическими проблемами. Они были бы еще более удивлены, если бы узнали, что есть евреи, которые помогают национально-освободительной борьбе украинцев.

Не знаю точно, как происходили схожие процессы в украинской среде, но мой хороший знакомый в те времена известный защитник прав Греко-Католической Церкви Иван Гель не воспринимал, когда его считали диссидентом, считая себя националистом.

Начало знакомств и сближения

Этому способствовали несколько факторов: развитие «самиздата», активная работа западных радиостанций и все большее понимание того, что в условиях империи национальные движения имеют общего врага – коммунистическую империю. И только избавившись от нее, каждый народ сможет свободно развивать свое национальное сознание, свои институты и как следствие – национальные государства. Это были первые ростки, но в 70-е гг. такие идеи начали распространяться не только среди политзаключенных, но и в их семьях, среди друзей и знакомых.

Определенную положительную роль в процессе сближения двух движений сыграли общедемократические диссиденты, которые сочувствовали и помогали и украинским, и еврейским диссидентам сугубо национального направления. Так, основанный Александром Солженицыным в первой половине 70-х гг. «Фонд помощи политзаключенным» объединил диссидентов и их семьи независимо от этнического происхождения и конфессионального выбора. Кроме того, московские диссиденты в некоторых случаях служили естественными коммуникаторами, которые способствовали контактам на свободе между еврейскими и украинскими диссидентами еще до их арестов, а также членами семей, которые после арестов ехали через Москву на свидания с заключенными.

Знакомства на свободе

Воспоминания многих украинских и еврейских диссидентов подтверждают почти полное отсутствие контактов на свободе. Я один из немногих евреев, кто искал и находил такие контакты еще до ареста. У Александра Фельдмана в Киеве были такие знакомства, потому что он был знаком с Виктором Некрасовым и Леонидом Плющом, но, как рассказывает Семен Глузман, который входил до ареста в круг Некрасова и Плюща, Леонид Плющ до своего ареста ничем активно не демонстрировал украинского настроения.

Моя история знакомства с украинским национал-демократическим движением

Из воспоминаний докладчика: «... я через (Татьяну) Великанову получил контакт с Надийкой Светличной, а уже от нее пошло-поехало.

Итак, через Надийку я знал о ее брате Иване Светличном, с которым познакомился позже, после его освобождения и перед своим вторым арестом. ...Но это было уже гораздо позже - в 1984 году...

Для меня это стало открытием мира, когда я познакомился с Надийкой, а затем с ее кругом. ...открывался украинский мир, по-прежнему закрытый для меня. Я чувствовал, что что-то там есть в том мире, очень насыщенное, большое, но я не был знаком со многими деталями, до сих пор всего не знаю... От Светличных я получил контакты во Львове и в Ивано-Франковске и начал ездить, это был регион моих командировок. Я искал тех людей, информацию о которых они мне давали, и расспрашивал их. Я изучал дела о нарушении прав человека, о преследовании с помощью психиатрии. Именно от Надийки я получил выход на Опанаса Заливаху в Ивано-Франковске ... (так же – на Ивана Кандыбу, на Зеновия Красивского, на Михайла Горыня и других – И.З.)...

...Украинские диссиденты очень открытые, даже если они сначала закрывались. Я думаю, этим очень много пользовались и провокаторы. То есть шестидесятникам очень обременительно быть закрытыми, они пытаются это делать, когда есть угроза репрессий, риски велики, но они ждут момента и хотят открыться, быть искренними, рассказывать... Потому что их не так много и когда новый человек, украинец или нет, но явно с симпатией к ним приходит, они хотят привлечь его к своему миру, к своим идеям, истории, своей традиции и своим украинским проблемам.

...Думаю, что Горынь вообще обратил мое внимание на важность национального ...Горынь мне так рассказывал о своем украинском, я почувствовал потребность вернуться ближе к своему еврейскому. Это был очень интересный феномен для меня. То есть мне было стыдно, что я не могу так же рассказывать о своем еврейском, как он рассказывает об украинском. »(Из книги« Господи, ты откроешь мои уста ... »[7].)

Следует признать, что основные знакомства еврейских и украинских диссидентов, украинских национал-демократов состоялись уже в местах заключения после двух параллельных волн арестов среди украинских и еврейских диссидентов в начале 70-х гг.

Интересно, что евреи, проживавшие на территории Украины дисперсно, в повседневной жизни, на учебе и работе постоянно общались с украинцами, практически ничего объективно не знали об украинском

освободительном движении. То же происходило и среди украинцев – минимум объективной информации о сионистском и демократическом движениях.

На одну из причин такой взаимной неосведомленности я уже указывал – это изолированность диссидентских групп, их конспирация в условиях диктата коммунистической партии и репрессий со стороны КГБ. Вторая причина – это небольшое число диссидентов как среди украинского сообщества, так и среди еврейского. Сегодня нам известно приблизительное количество политзаключенных в Украине между 1954 и 1990 годами – это 3000. 3000 диссидентов на пятидесятиmillionный социум! Капля в море! Встретиться и познакомиться на свободе в таких условиях было практически невозможно.

Но был фактор, способствовавший хотя бы заочному знакомству и дававший перспективу развитию таких знакомств на будущее. Во второй половине 60-х гг. в Москве появилось несколько первых правозащитных групп, которые начали собирать информацию о нарушениях прав человека на всей территории СССР. Именно вследствие их содействия начинались первые контакты между различными группами диссидентов.

Вот что пишет Людмила Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР» [11].

«Несмотря на яростное подавление любых проявлений неофициальной общественной активности на Украине, как и в других местах СССР, скрытое развитие национально-демократического движения шло в сторону организационного оформления открытых его проявлений. Первыми шагами в этом направлении были случаи подключения активистов украинского движения к московским правозащитным ассоциациям. В Инициативную группу защиты прав человека в СССР, которая была первой из таких ассоциаций (возникла в Москве в 1969 г.), вошли киевлянин Леонид Плющ и харьковчанин Генрих Алтунян (оба были арестованы).

В 1974 г. в Москве была создана советская секция Международной амнистии. В нее вошел киевлянин Николай Руденко, известный украинский писатель...»

Сотрудничество диссидентов разных республик СССР с «Хроникой текущих событий» также способствовало налаживанию связей между ними.

Интерес еврейских и украинских диссидентов друг к другу проявлялся и в том, что в середине 70-х гг. начала нарабатываться традиция поездок из Москвы на судебные процессы в Украине. Так, например, пишет об этом в своих воспоминаниях Александр Подрабинек [8]:

«1978 г. был богат на судебные процессы. 22 марта в городе Василькове под Киевом слушалось дело Мирослава Мариновича и Николая Матусевича, членов Украинской группы «Хельсинки». Я поехал на суд вместе с Таней Осиповой. Мы не надеялись попасть в зал суда, но рассчитывали хотя бы постоять перед зданием вместе с другими нашими украинскими друзьями. Ничего не получилось. Как только мы подошли к суду, как нас молча и без объяснений задержала милиция и увезла обратно в Киев».

Аналогичная история случилась с отцом Александра Пинхасом Подрабинеком, который приехал ко мне на суд в Черновцы в апреле 1979 г. Его схватили оперативники КГБ перед зданием суда и отправили самолетом в Москву.

Александр Подрабинек также пишет о знакомстве и дружбе с Вячеславом Черноволом [8]. Сначала переписка и телефонные звонки, когда они находились в ссылке в разных районах Якутии (в 1979 г. – И.З.). Затем они познакомились в Якутской тюрьме (конец лета 1980 г. – И.З.) и продолжили общение уже на больничной зоне после соответствующих судебных процессов каждого из них. Очень тепло Александр описывает, как Вячеслав 8 августа 1982 г. устроил ему день рождения, что в зональских условиях было почти невозможно.

Знакомства в заключении и развитие отношений

Не помню уже, кто мне рассказывал, возможно, мой друг Микола Горбаль, как в 71-м на зонах в Мордовии прошел слух, что вскоре этапом должна прийти группа евреев, которые пытались захватить самолет, чтобы на нем пересечь границу и добраться до Израиля. В реальность такой акции никто в зоне не поверил. Как могут евреи, всегда избегавшие радикальных поступков, пойти на такое? Но когда на зоне появилась группа молодых евреев в тюремных шапках, на которых были вышиты звезды Давида, а некоторые держали в руках молитвенники, начался процесс размывания или преодоления стереотипов, главное – с обеих сторон.

Параллельно шел и аналогичной процесс размывания стереотипов среди евреев. Вот как описывает это в своей книге Семен Глузман [9]:

«В зоне рядом со мной была и другая правда, ранее мне совсем не знакомая. Правда «лесных братьев» из Балтии и партизан УПА из Западной Украины. И мне, который готовится жить в этом мире долгие годы, необходимо было понять эту новую для меня систему координат и свое собственное место в ней. Общась, сопоставляя, думая и снова спрашивая, я осознал главное: они воевали у себя дома, на своей земле; те, с кем они воевали, были чужими, пришельцами. И эта моя новая правда, иллюстрируемая мне каждый час, каждую минуту моими новыми друзьями Йонасом Матузевичусом и Дмитрием Басарабом, отбывающими свои 25 лет каждый, никак не противоречила той правде о войне, которую дали мне мои родители, Виктор Некрасов и Василий Быков».

Из воспоминаний Евгена Сверстюка о Йосефе Менделевиче [10]:

«Между нами была какая-то особая связь, на уровне прикосновения к правде, которая объединяет и отличает. Нас сближала и объединяла вера. Не имело значения, что он был иудеем, я – христианином. Мы не дискутировали на тему молитвы «Отче наш». Но чувствовали, что Бог в

нас превыше всего. Я очень уважал и поддерживал принцип Йосефа не работать в субботу и воздерживаться от некошерной пищи.

Он живой, остроумный, веселый, задумчиво-сосредоточенный, бескомпромиссный и беспощадный в оценках, в глубине его таился алмаз неразменной правды, не подвергаемой влияниям.

Втроем, с ним и с Сергеем Ковалевым, обдумывали какие-то, как нам тогда казалось, особо важные дела. Говорят: «между этими людьми есть предварительная договоренность». А ведь они ни о чем не договаривались, не сговаривались, а «договоренность» сидела в них еще до встречи. Они лишь доверчиво смотрят друг на друга...

Я вышел в ссылку, а Йосеф еще долго сидел. У меня было впечатление, что он избегает помощи из принципа: человек должен сносить все и благодарить Бога. Какой смысл рваться в зону облегченных испытаний?»

Из воспоминаний Василия Овсиенко [12] о новых знакомствах на зоне:

«...Когда я отвечал, тщательно подбирая слова, молодой благообразный мужчина с явно неукраинской фамилией на куртке – Коренблит – сказал по-украински: «Да мы тут все украинский язык понимаем. Говорите по-своему. Я, кстати, еврей из Украины...».

Среди «антисоветчиков» отдельной общиной выделялись евреи, почти все бывшие подельниками. Так называемые «самолетчики», осужденные по известному приговору Ленинградского суда 15–24 декабря 1970 г.

«...в первый же день ко мне подошел человек и поздоровался по-украински. Михаил Хейфец, литератор из Ленинграда. Ага, это тот Хейфец, что, как я слышал, написал эссе об Иосифе Бродском и вот сидит за него ... Несколько разговоров, несколько записей – и имеешь срок 4 года заключения и 2 года ссылки. Но такой поворот судьбы Хейфец воспринял как творческую командировку, как счастливый шанс для писателя: в руки плывет неоценимый материал. Только нужно его испытать на себе ...Мы близко сошлись на почве общих филологических интересов. Хейфец живо

интересовался Украиной. Не без того, чтобы облегчить мое душевное состояние и дать мне возможность выговориться на родном языке, ведь меня в 17-ю зону привезли на одиночество, чувствовал я [себя] там гораздо хуже, чем в 19-й, Хейфец просил меня говорить с ним на украинском, как это прежде сложилось у него с Зоряном Попадюком, только припровожденном отсюда во Владимирский централ... Хейфец интересовался украинскими делами, его видение «со стороны» и меня интересовало...

Поражала его феноменальная осведомленность и память, а скоро удивил он меня еще больше.

Как-то летом во время тотального шмона (обыска) у Стуса забрали тетрадь со стихами и объявили, что уничтожили его как не представляющий ценности (!!!)... Вернули в Мордовию через два месяца, но уже в 19-ю зону, потому что 17-ю летом ликвидировали. Приносит мне Хейфец тетрадь, написанную его корявой скорописью, и просит переписать начисто, потом еще диктует мне по памяти два десятка стихотворений на таком же корявом украинском языке, а я записываю их, исправляя... А еще мне Хейфец рассказывал, что на свидании он прочитал по памяти своей жене Раисе (она русская) стихотворение Стуса, где речь шла о жене. Может, этот «Дозволь мені сьогодні, близько шостої...». Раиса сказала: «Да она счастливая женщина! Он сделал ее бессмертной»...

Эти случаи я рассказываю как примеры подлинного интернационализма.»

«...Свои энциклопедические знания и феноменальную память Михаил Хейфец использовал прекрасно: за каждый год заключения – по книжке. Еще не закончился срок заключения, как на Западе вышла его книга «Место и время», где много хороших слов сказано и о нас, украинцах. (Уже дома, в 1977 г., я слышал по радио «Свобода» и о себе.) В 1983 г. в издательстве «Сучасність» вышла его книга воспоминаний «Украинские силуэты», на русском и украинском языках. Мы, украинцы, умели много выстрадать в концлагерях, но не сумели об этом написать. Спасибо еврею Хейфецу: до сих пор никто лучше о нас не написал... Это живые, психологически и

фактологически достоверные портреты еще тогда живых украинцев – Василя Стуса и Вячеслава Черновола, также Миколы Руденко, Зоряна Попадюка, которые продолжали сидеть по старым и новым приговорам. Это едва ли не лучшее свидетельство об украинском движении сопротивления 70-х гг. В очерках «Святые старики Украины» и «Бандеровские сыновья» есть исторически правдивые показания о повстанцах Миколе Кончаковском и Петре Саранчуке, о лидере Украинского Национального Фронта (1964–1967) Дмитриии Квецко...»

Из книги Мирослава Мариновича «Вселенная за колючей проволокой» [13] мы узнаем о его ближайшем окружении в зоне, среди своих друзей он непременно вспоминает и евреев – Семена Глузман, Вульфа Залмансона, Йосефа Менделевича и Михаила Казачкова. Вспоминает он и тех евреев, которые пришли на зону позже: Вадима Аренберга и Леонида Лубмана.

«Еще в начале моего пребывания в зоне ленинградец Михаил Казачков открыл передо мной красоту поэзии Марины Цветаевой и Райнера Марии Рильке. Михаил вообще был блестящим интеллектуалом, прекрасно разбиравшемся в литературе и искусстве. Он поистине «заразил» меня творчеством этих авторов, и некоторое время я жил эстетикой их поэтического слова».

О дружбе с украинскими диссидентами пишет и Анатолий Альтман (воспоминания еще не опубликованы – из личного архива. – И.З.):

«В 1972 г. был сделан большой зачет на Украине. Через некоторое время в зону привезли «выявленных и обезвреженных буржуазных националистов». Очень быстро между нами завязались дружеские отношения с Иваном Светличным, Зиновием Антонюком, Игорем Калинцом, Николаем Горбалем. Наша дружба продолжалась в течение многих совместно отбываемых лет неволи. С тех пор с неизменным уважением и любовью вспоминаю этих благородных рыцарей свободы, некоторые уже и не живы, земля им пухом».

Из воспоминаний Семена Глузмана [9]:

«...в тот же день меня приняли в» семью Евген Пришляк и Василий Подгородецкий. Первый до ареста был руководителем службы безопасности УПА по Львовской округе, второй – простым бойцом УПА. Милые, теплые мои друзья, мир праху вашему... С точки зрения советской идеологии это было недопустимо! Молодой еврей и старые националисты-бандеровцы не могут, не должны быть вместе! Однажды Василий Подгородецкий во время совместного завтрака у тумбочки сказал: «Слава, вчера ко мне подходил К., ну, знаешь, он был немецким полицаем; он пытался меня уговоривать, даже пытался стыдить. Видимо, не нравится им наша дружба. Вряд ли он говорил со мной без приказа кума ... Так и говорил: что же ты, Василий, украинский патриот, с жидом ешь. Ну, я его послал».

Были ли проявления антисемитизма в политических зонах?

Об отсутствии антисемитизма в политических зонах вспоминают как украинские, так и еврейские диссиденты. В их воспоминаниях прослеживается определенное удивление его отсутствием. Важно также, что антисемитизмом ни были заражены не только молодые украинцы, но и воины УПА, дослуживавшие свои 25-летние сроки. Об этом свидетельствуют воспоминания Арье Вудки, Семена Глузмана, Михаила Хейфеца и Евгена Сверстюка.

Очень важная характеристика этого феномена дана Мирославом Мариновичем на примере Зеновия Красовского, с которым я подружился на свободе в 1978 г. и могу это подтвердить. Мирослав написал так:

«...Исходя из стандартных советских представлений, этот убежденный националист должен был быть зоологическим антисемитом. А на самом деле он был олицетворением дружбы и доброжелательности. Ходил улыбчивый, светлый; поддерживал прекрасные отношения со всеми лагерными евреями. Такое крушение стереотипа было просто удивительным. А все потому, что его чувства к Украине исходили из любви к ней, а не из ненависти к ее врагам.»

Из воспоминаний Микола Горбала об одном из инцидентов, когда после конфликта между ним и стукачами, на зоне начали циркулировать подброшенные оперчастью слухи, что в конфликте были виноваты евреи, на плацу перед колонной эзков вышел воин УПА и от имени своей группы заявил, что если кто-то заденет хоть кого-то из евреев, будет иметь дело с ними, бойцами УПА:

«На зоне евреи нас поддерживали, мы евреев поддерживали. Не было (антисемитизма), я приводил тот пример, когда Василий Подгородецкий (воин УПА), когда вскрыли стукачей, вышел перед разводом и сказал: «Кто коснется пальцем еврея, тот будет иметь с нами, с УПА, дело». Ссориться в лагере не к лицу ни украинцу, ни еврею» [14].

Об этой же истории можно прочитать в ненапечатанных воспоминаниях моего земляка Анатолия Альтмана – участника дела по захвату самолета 1970 г. Он описывает это несколько иначе, но лишь в деталях:

«...В течение нескольких дней, перенакалив зону, контингент эзка раскололся по линии, определившей друзей и врагов. Вообще «мочить» собирались только жидов, считая, что это не вызовет особого несогласия со стороны других, менее запятнанных национальным происхождением, – украинцев, литовцев, армян. Предусматривалось даже если не участие, то понимание со стороны «бандеровцев». Но все перевернулось с ног на голову. В течение непродолжительного времени у нас сложились очень дружеские отношения со старыми «боевиками» из УПА... и с молодыми националистами, которые шли в лагеря непрерывно, начиная с 1972 г.... Благодаря знанию украинского языка, я особенно сблизился с Миколой Горбалем, Игорем Калинцом, Иваном Светличным и многими другими.... Наконец, несколько крепких мужчин из старых бойцов УПА «посетили» «штаб-квартиру» погромщиков и предупредили о своем участии в возможном побоище... на стороне тех самых «жидов». Эхо лагерных войн живо и до сих пор. И это обстоятельство так же значительно охладило энтузиазм Храмушинова [опера] воинства. В свое время именно бандеровцы, которые вливались в 50-х гг. в лагеря, сломали хребет «беспределу» уголовников, и это запоминалось надолго».

Об отсутствии антисемитизма у украинских диссидентов пишет в книге «Московщина» [15] еврей из Днепропетровска Арье Вудка:

«...Все известные украинские политзеки – противники юдофобии. Двум народам-мученикам пора совместно подвести черту под страшным прошлым и вернуться к тем начальным отношениям, которые сложились в Скифополе во времена Маккавеев».

Он очень тепло вспоминает своих знакомых и друзей из украинских диссидентов: Ивана Курыласа, Покровского, Степана Сороку, Бесараба, Ивана Сокульского, Шевчука, Горбала, Заливаху, Дяка, Лесива, Левка Лукьяненко, Михаила Слободяна. Особенно теплые воспоминания у него о Евгене Сверстюке и Степане Сапеляке.

Гилель Бутман («самолетное» дело), который раньше никогда не встречался с украинцами, в воспоминаниях пишет о них только положительно:

«...в лагерях и тюрьмах было Движение Сопротивления, а в нем очень сильной была украинская группа. Для меня это было первое знакомство с украинскими националистами, и я увидел, что в послевоенной Украине выросла плеяда борцов, которые сочетали в себе любовь к своему народу и готовность жертвовать собой ради создания новой свободной Украины с гуманными традициями лучших сыновей и дочерей Украины XX в.: сочувствием, уважением и товариществом по отношению к «униженным» и «оскорбленным», независимо от их национальности. У этих ребят я совсем не видел антисемитизма: их тихая любовь к Украине не делала их ксенофобами»[16].

Большие и очень теплые воспоминания Гилеля Бутмана посвящены двум украинцам, которых он считал своими друзьями – Ивану Светличному и Степану Мамчуру.

Интерес к другим культурам и совместное творчество

В израильском журнале «Менора» [17] Авраам Белов приводит впечатляющую историю о том, как в лагере №35 на Урале в середине 70-

х гг. (73–74 гг. – Микола Горбаль. – И.З.) трое заключенных – Баграт Шахверян, Гилель Бутман и Микола Горбаль создали гимн Иерусалима. Гимн был передан на волю, он дошел в Израиль и был исполнен в Народном доме в Иерусалиме, когда его авторы еще находились в зоне.

Евген Сверстюк [27]:

«Воспоминания узников ГУЛАГа всех поколений изобилуют трогательными случаями встречи с другой культурой в образе случайного сокамерника... В конце концов, все дети разных народов, с детства воспитанные на стереотипах советской пропаганды, наконец в лагерях знакомятся со «страшными бандеровцами» и неожиданно для себя открывают, что эти люди национально и религиозно толерантны ...В большой зоне, как принято было называть свободную зону, о таком даже не могли подумать. Все жили в атмосфере недоверия, сплетен и анекдотов.

В общем, люди культурные всегда были над всевозможными национальными распрями, над ксенофобией, но в массе не хватало вслух задекларированной позицииЗаключенные объединены общей судьбой. Они быстро находят между собой общий язык. В их общении проявляется радостный потенциал открытия неведомого в своей и чужой культуре, открытие позитива. Гонимые и преследуемые, заключенные несут и продолжают наследие своих преследуемых предшественников. Оказывается, у каждого народа были свои гонимые и репрессированные за правду, и они, как правило, сеяли зерна самоуважения и уважения к другому. У заключенных нет принципиальных различий: все стремятся к воле и хотят свободы для своей страны, своего народа.»

Совместные акции против произвола администрации и взаимопомощь среди заключенных

О совместной борьбе украинцев и евреев против системы в сталинские времена известно немного, но в редких воспоминаниях есть информация об участии евреев в восстаниях заключенных и их участии в

«международных советах» в отдельных местах ГУЛАГа, где активную роль играли украинцы из УПА.

Первые воспоминания о сотрудничестве в лагерях 60-х гг. касаются политических зон в Мордовии (11-я, 17-я, 19-я и позже – женская зона). Судебные процессы начала и середины 60-х гг. «отличились» большим количеством украинцев, но в те же годы в Мордовию на указанные политические зоны этапами пришли московские диссиденты, в частности евреи – Александр Гинзбург, Эдуард Кузнецов, Юлий Даниэль и другие.

Первой задачей, после знакомств и выяснения «кто есть кто» на зоне, было налаживание передачи на свободу информации о судебных делах, приговорах, особенностях жизни на зонах, прежде всего репрессиях зональной администрации и начале общего сопротивления. Начались совместные празднования дней рождения, национальных праздников, диссидентских дат, например – Дня прав человека (10 декабря) и Дня политзаключенного (30 октября).

Отдельно следует сказать о совместных попытках борьбы за статус политзаключенного.

На призыв администрации зон узники отвечали своими ненасильственными методами борьбы: обращениями и протестами, голодовками и забастовками. Этими общими действиями узники отвечали на явные нарушения своих прав, несправедливость действий администрации и ее провокации.

Мое интервью с Левко Лукьяненко [18]:

«Украинцы всегда поддерживали право евреев на выезд и воссоединения со своей исторической Родиной, а евреи поддерживали наше стремление к независимости. Это помогало вместе жить в тех непростых условиях. Это делало нас хорошими союзниками в противостоянии с демократическими москвитями, считавшими главным направлением демократизацию, а когда речь заходила о независимости, сразу возникало напряжение в отношениях.»

Из воспоминаний Мирослав Маринович [13]:

«Эту общность нашего статуса и общность врага чувствовали все без оглядки на национальность».

Вот как говорит о ней еврейский политзэк Арье Вудка [15]:

«У нас был общий враг, у нас подобная цель, а значит, мы должны поддерживать друг друга. Мы видели, как власть пытается сеять раздор между людьми разных национальностей в лагере, и мы чувствовали, что все в том же положении, что у нас тот же враг. Поэтому установка была преодолеть этот раскол, который они сеяли, и действовать вместе, помогать друг другу. Не только в личном смысле, но и между сообществами».

«В политическом лагере для администрации не было большего криминала, чем мелко исписанный листок. Каждая такая бумажка таила в себе «преступление антисоветизма», а потому ее немедленно изымали для проверки. Понятно, что политзаключенные, в свою очередь, стремились таких бумажек наплодить как можно больше. Поэтому очень скоро меня посвятили в «святая святых» лагерной жизни – подготовку информации для «Хроники текущих событий». Это было проявление особого доверия, потому что к этому действию были привлечены только самые надежные зэки. Во время моего появления на зоне – это Евгений Сверстюк, Семен Глузман, Евгений Пронюк, Алексей Сафронов, Григорий Приходько и др. Они писали не только саму хронику событий, но и различные тексты – обращения, петиции и тому подобное. Это была прекрасно отлаженная машина, целый «конвейер», справиться с которым до конца кагебистам так и не удалось. Как написал впоследствии Семен Глузман, «мы, серые, голодные, преследуемые, жили Словом. Словом боли и правды, которое нам удавалось передавать в мир». И он вспоминает, что Иван Светличный шутливо назвал эту письменную фабрику «ПЕН-клубом»...»

Из воспоминаний Евгена Сверстюка [6]:

«...Перед нашими друзьями евреями была ясная перспектива: выход на свободу и возвращение на свою историческую родину, где их ждут с распростертыми объятиями.

Они понимали, что перед украинцами нет другой перспективы, кроме выхода в сибирскую ссылку или возвращения домой, в зону особого давления и надзора. Они стремились помочь, как только могли. Они апеллировали к свободному миру. Многие из них написали воспоминания о совместной жизни в зоне. Йосеф Менделевич написал трогательные «воспоминания об украинских политзаключенных». А наш общий друг Арье Вудка вывез в своей памяти целый сборник «Украинская поэзия за колючей проволокой».

Разумеется, все они твердо обязались бороться за правду и закон, одинаковый для всех, за то, что одинаковые преступления и нацистов, и коммунистов должны быть одинаково наказуемы.»

Из воспоминаний Василя Овсиенко [12]:

«...Много позже я узнал, что «хозяином» одного из таких каналов связи был тихий и спокойный Борис Пэнсон, которого кое-кто упрекал, почему он, мол, так редко участвует в коллективных акциях протеста...

А здесь у нас едва ли не лучшие отношения именно с еврейской общиной. Потому что у нас общий враг: российская империя под названием СССР. Не только общие «чай», но и общие голодовки, одновременные заявления протеста укрепляли этот союз. Эффект эти акции имели лишь тогда, когда на волю выходила информация о них, и этому мы чаще всего были обязаны именно евреям.»

Из воспоминаний Мирослава Мариновича [13]:

«...Между тем мы научились в лагерях не только слышать друг друга, но и действовать вместе, уважая особенности другого. Об этом очень хорошо сказал Арье Вудка [15]: «Четко выделились две силы лагерного сопротивления: евреи и украинцы. С тех пор так и повелось: если евреи и украинцы говорят «да» – значит, акция обеспечена ... Чувствовался страх чекистов перед тем, что и в «большой зоне» порабощенные народы смогут найти общий язык...

Поистине «дружба презубца со звездой Давида»! А Богдан Ребрик предложил вообще «зашкаливающее» сравнение: «Евреи в тюрьме больше сделали для независимости Украины, чем все бандеровцы».

Из воспоминаний Гилеля Бутмана об Иване Светличном:

«Помню, как однажды на 35-й зоне его хотели бросить на работу, которой он, инвалид, не мог выполнять. Мы все написали обращение протеста к прокурору. Иван Алексеевич подходил к каждому из нас и клал на заявление свою беспалую ладонь, а мы обрисовывали ее и рядом ставили свою подпись. Это был тот редкий случай, когда заявления сработали: Иван Алексеевич получил работу, которую обычно давали только стукачам – «пожарным» на зоне, где никогда ничего не горело.»

Йосеф Менделевич [21]:

«После обеда узнали, что капитан Довчий побил политзаключенного Сапеляка. Двадцатилетний студент Львовского университета Сапеляк организовал в своем селе, на Западной Украине, нелегальную национальную группу. За это его посадили... На избежание политзаключенного необходимо немедленно реагировать. Собирались группами и обсуждали, что делать. Окончательное решение зависело от украинцев. «Вопрос стоит так, – подытожил Приходько, зэк с двадцатипятилетним сроком – если мы верим, что добьемся своего, – надо действовать!»

Я его поддержал: «Да, я верю, что мы победим! А если уступим, нас всех начнут бить!»

Итак, решено: с завтрашнего дня объявляем забастовку с требованием освободить капитана. Вследствие этого на работу не вышло семьдесят человек. Половина всех заключенных отказалась подчиниться требованиям надзирателей. Это был настоящий бунт – мы делали, что хотели. Надзиратели исчезли из зоны.»

Очень важное свидетельство о совместной борьбе диссидентов опубликовал в 1974 г. журнал *Сучасність*, издаваемый украинской диаспорой [24]:

«... О чем свидетельствуют эти информации Шахвердяна и Глузмана, или других заключенных, которые высказывались аналогично? Прежде они говорят о том, что советские тюрьмы и концлагеря – это как микрокосмос Советского Союза. Там и здесь лишены свободы люди разных национальностей, культур и религий, там и здесь все они живут стремлением быть хозяевами на собственной земле. Конечно, у политических узников это стремление намного сильнее, и собственно оно привело их за решетку. Но именно они лучше всего отражают то, что думают их народы. Потеряв свободу, они о своих чувствах говорят откровенно. Во-вторых, слова Шахвердяна и Глузмана говорят о том, что в условиях неволи выковывается осознание общих интересов поработанных Москвой народов.

Не впервые из документов самиздатовской литературы, из выступлений разных деятелей сопротивления в Советском Союзе узнаем об этом многоязычном развитии. Неоднократно внешний мир имел уже возможность узнавать о голодовках политических заключенных с участием в них представителей разных народов, о солидарных выступлениях заключенных одной национальности в обороне людей других национальностей, о совместных протестных письмах в защиту человеческих и национальных прав. Так, 4 сентября 1972 г. украинские, балтийские, еврейские, русские, армянские и другие политические заключенные Пермского лагеря «отметили» годовщину появления концентрационных лагерей в СССР голодовкой и протестом в память их жертв. Такое же «празднование» они провели годом позже. В 1974 г. неизвестная группа политических заключенных СССР разных национальностей обратилась к общественности мира, и их обращение было распространено в самиздатовской литературе. В нем они призвали людей доброй воли организовать спасение таких политических заключенных, как Валентин Мороз, Алексей Сергиенко, Владимир Буковский, Игорь Огурцов, Александр Фельдман и др. Когда весной 1974 г. в Пермском лагере лагерная администрация гнала на работу больного украинского политического заключенного Евгения Пронюка, политические заключенные других национальностей провели в его защиту протестную голодовку, которая длилась от 12 мая до 16 июня. Ее начал

упоминавшийся выше Слава Глузман, а участие в ней принимали украинцы И. Светличный, И. Кандыба, И. Калинец, З. Антонюк и другие, россияне В. Буковский, В. Балаханов, евреи – Альтман, Бутман, Хнох, Ягман, а также армяне, эстонцы, татары. Но не только бытовые проблемы, а следовательно, необходимость обороны перед издевательством администрации, защита прав заключенного объединяют политических заключенных советских тюрем и концентрационных лагерей в одну солидарную семью. Общая судьба побуждает их думать также о более широких вопросах, о судьбе их народов. Бывшие политические заключенные в СССР, которым удалось вырваться за границу, свидетельствуют, что тюрьмы и концлагеря Советского Союза – это также территория постоянных дискуссий между заключенными на различные общественно-политические темы, о литературе, философии, религии, острое и международно-политических проблемах. В частности судьба нерусских народов в СССР стоит на первом месте в таких разговорах между их представителями в тюрьмах и в лагерях.»

Таким образом общая борьба украинских и еврейских диссидентов влияла на взаимопонимание украинцев и евреев в диаспорах в США, Канаде и Австралии. После многих десятилетий недоверия диаспоры сделали наконец первые шаги навстречу друг другу.

Хельсинкские группы и участие в их работе украинских и еврейских диссидентов

Новый импульс сотрудничество между диссидентами различного этнического происхождения получило во второй половине 70-х гг. в ходе становления Хельсинкского процесса, который стал новым качественным этапом диссидентского движения.

Важнейшими факторами и результатами этого процесса были:

1. Открытость и легальность деятельности, насколько она была тогда возможной, что привлекло к нему [процессу] интеллигенцию и национально сознательных граждан;

2. Возможность встроить национально-демократические движения в контекст общемирового процесса борьбы за права человека;

3. Привлечение международного внимания к системным нарушениям прав человека в СССР;

4. Кооперация в общей борьбе диссидентов разного этнического происхождения, религиозной направленности, идеологических устремлений;

5. Западные правозащитники и правительства успокоились относительно активной деятельности националистов, увидев, что они в разных республиках акцентировали свою деятельность на правозащитной деятельности.

Участие евреев в Хельсинкских группах (*фамилии выделены*)

Москва, 12 мая 1976

Первый состав МХГ: *Юрий Орлов, Людмила Алексеева, **Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский.***

С февраля 1977 г. члены Хельсинских групп, в том числе МХГ, начали подвергаться арестам. Был арестован Юрий Орлов [9], **Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский и Мальва Ланда.** Людмила Алексеева, Петр Григоренко и **Виталий Рубин** были вынуждены эмигрировать в 1976–1977 гг.

В 1978–1982 гг. МХГ, несмотря на давление, продолжала работать. К тем, кто остался на свободе в СССР, присоединились **Владимир Слепак, Юрий Мнюх, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Иван Ковалев, Виктор Некипелов, Софья Каллистратова, Юрий Ярым-Агаев, Леонард Терновский, Феликс Серебров.** Аресты, репрессии, ссылки и приговоры в отношении членов группы продолжались. В целом по приговорам советских судов все члены МХГ вместе взятые должны были отбыть 60 лет лагерей и 40 лет ссылки [10].

К концу 1981 г. на свободе в СССР осталось только трое членов МХГ – **Елена Боннэр**, Софья Каллистратова и **Наум Мейман**. В декабре 1981 г. было возбуждено уголовное дело против Софии Каллистратовой, а 6 сентября 1982 г. ей было предъявлено обвинение по части 1-й статьи 190-й УК РСФСР – «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», основанное на документах, изъятых во время обысков. В такой ситуации 6 сентября 1982 г. члены группы заявили о прекращении деятельности МХГ, учитывая невозможность работы в условиях усиливающихся репрессий [11].

Киев, 9 ноября 1976

Николай Данилович Руденко (руководитель группы), Бердник Александр Павлович, Григоренко Петр Григорьевич, Кандыба Иван Алексеевич, Лукьяненко Левко Григорьевич, Мешко Оксана Яковлевна, Матусевич Николай Иванович, Маринович Мирослав Франкович, Строката Нина Антоновна, Тихий Алексей Иванович.

Во втором составе после арестов первого состава группы – Ольга Гейко, Микола Горбаль, Владимир Малинкович, **Иосиф Зисельс**.

Вильнюс, 26 ноября 1976

*Каролис Гаруцкас, **Эйтан Финкельштейн**, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус и Томас Венцлова.*

Тбилиси, 1 января 1977

З. Гамсахурдиа, Р. Рцхиладзе, М. Костава, братья Гольдштейн (Исай и Григорий).

Ереван, апрель 1977

В группу вошли: экономист *Эдуард Арутюнян* (1926), он стал руководителем группы; студент политехнического института *Самвел Осян* и *Роберт Назарян* (1948) – физик и диакон армянской православной церкви. Позже в АХГ вошли рабочие – *Шаген Арутюнян* (один из основателей Национальной объединенной партии (НОП) и *Амбарцум Хлгатян*.

При всем сотрудничестве и взаимопомощи отношения между различными группами Хельсинского процесса нельзя считать идеальными. Прежде всего это касается отношений между московскими диссидентами и диссидентами из национальных республик. Сочувствие – да, помощь – да, но настоящего понимания проблем национально-освободительной борьбы против коммунистической империи не было, и до сих пор нет. «Давайте строить вместе демократический Советский Союз» – такая формула доминировала в отношениях между московскими и киевскими диссидентами. За более чем десять лет правда украинских, литовских, армянских диссидентов была доказана – только распад империи дает возможность развития всем народам империи, в частности евреям.

Вот что пишет о УХГ достаточно поверхностно Людмила Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР» [11]:

«...С первых слов первого меморандума Украинской Хельсинской группы говорится о геноциде и этноциде на Украине.... Она [Группа] полностью сосредоточилась на украинской национальной проблеме... Об этом свидетельствует не только программный документ, но и последующие документы Группы... Все они посвящены общим и отдельным аспектам национальной проблемы.

В отличие от других Хельсинских групп, Украинская вовсе не отзывалась на религиозные преследования, хоть в Украине эта проблема была не менее острой, чем в других республиках... Нет в этих документах и упоминаний о проблемах еврейского движения за отъезд в Израиль, хотя десятки тысяч евреев на Украине добиваются разрешения на выезд, и многие из них подвергаются в связи с этим дискриминации.»

Не случайно актуальным был и, к сожалению, остается известное выражение: российская демократия заканчивается там, где начинается украинский вопрос.

Настоящее

После развала коммунистической империи диссиденты оказались в разных странах, но почти все без исключения включились в общественные и политические процессы в своих странах. Большинство еврейских диссидентов, прежде всего сионисты, выехали в Израиль, некоторые из них стали депутатами кнессета и членами правительств Израиля (Виктор Браиловский, Натан Щаранский, Юлий Эдельштейн). Целая группа украинских диссидентов стала депутатами Верховной Рады (Микола Горбаль, Богдан Ребрик, Левко Лукьяненко, Вячеслав Черновол, Ирина Калинец, Степан Хмара, Михайло и Богдан Горыни, Олесь Шевченко, Левко Гороховский, Генрих Алтунян).

О дальнейшей активности еврейских диссидентов уже в Израиле свидетельствует деятельность основанного Яковом Сусленский еще 1979 г. Гражданского комитета еврейско-украинского сотрудничества. Одной из первых акций (1980) Комитета было требование *«...справедливости: присвоить звание Праведника народов мира Митрополиту Шептицкому»* [25]. Его подписали Председатель Комитета Александр Фельдман, Организационный секретарь Яков Сусленский, члены: Рейза Палатник, Юрий Милославский, Израиль Клейнер, Моисей Фишбейн, Шлема Дрезнер, Михаил Хейфец.

Несколько еврейских диссидентов, которые никогда не пытались выехать в Израиль или в США, остались жить в Украине (Семен Глузман, Леонид Миявский, Иосиф Зисельс). Они не стали депутатами парламента, но активно участвуют в развитии гражданского общества и продолжают поддерживать дружеские отношения с украинскими диссидентами, чтобы вместе строить новую Украину. Контакты между украинскими диссидентами и сионистами стали очень редкими, активизируются только во время редких посещений украинцами Израиля или сионистами Украины.

Недосказанность

Воспроизводя многочисленные картины знакомств, дружбы и совместной борьбы, не идеализирую ли я состояние украинского-еврейских отношений в диссидентские времена? Почти все вспоминают начальные негативные стереотипы одной группы относительно другой. Описывают постепенное размывание или даже разрушение стереотипов после знакомства.

Остается ли в конце концов какая-то недосказанность? Прямо об этом никто не вспоминает, но косвенно по разным воспоминаниями и поведению некоторых диссидентов после освобождения можно предположить, что в жизни все происходит не идеально, а реально. Определенный анализ украинского-еврейских отношений я увидел только в воспоминаниях Михаила Хейфеца, но косвенную информацию о некоторых недоразумениях можно встретить в воспоминаниях Йосефа Менделевича, Габриэля Суперфина, Мирослава Мариновича, в некоторых выступлениях уже в новейшие времена Левка Лукьяненко, Игоря и Ирины Каинцов, Анатолия Лупыноса.

Большой драмой для Якова Сусленского было открытие новых неприятных антисемитских черт в выступлениях своего лагерного друга Левка Лукьяненко. Яков, который отдал после зоны и эмиграции 26 лет обществу «Украина – Израиль» так и не смог понять этого нового и неприятного для него образа Левка.

Украинцы и в заключении, и на свободе, были большинством, а евреи – меньшинством. Украинцы боролись за свое национальное государство и подвергались жестоким репрессиям со стороны коммунистической империи, а у евреев уже было государство, и репрессии против них империя вела прежде всего из-за их желания оставить ее и присоединиться к своему государству. Все это создавало определенную асимметрию в отношениях, которую не так легко почувствовать и увидеть, потому что на фоне общей борьбы она не выглядит значительной. Вот как пытался анализировать эту ситуацию Михаил Хейфец [22]:

«... Евреи, при всей их внешней реакции на любую мировую идею, монологический по характеру народ. Они обладают способностью так увлекаться созданным их воображением миром, собственными идеями и соображениями, что, бывает, не замечают окружающих объектов и субъектов. Это свойство самопоглощения собственным внутренним миром помогало, пожалуй, выстоять этому сгустку людей в виде особого сообщества, не сливаться ни с кем на протяжении двух тысячелетий изгнания – ситуация, почти уникальная в человеческой истории! Но это же свойство национального характера, которое обеспечивало ему такую мощную устойчивость, – когда говорят, не слушая собеседника, когда общаются, а вместе с тем не замечают объекта общения, когда живут рядом, торгуют, здороваются, шутят с соседом и одновременно существуют на другой планете, другой, не пересекаемой с соседом, плоскости жизни, – думается, это свойство, прежде вызвало тот стержневой антисемитизм всех племен и народов, который тенью сопровождал еврейскую общину в любых ее странствиях.

Этот лирическое отступление о евреях понадобилось мне вот для чего: как еврей я владею, естественно, качествами своего народа. И поэтому, чувствуя на первых порах тонкий, но вполне ощутимый лед, который проложил между нами Стус, я даже не задумывался об истинной причине этой вежливой отстраненности. Предполагал, что аристократический холодок – либо обычная манера общения Василя, либо я сам чем-то ему неприятен.

И только во время разговора о статьях Померанца и Гуревича понял: Василь дистанцировался не от мне лично, но опасался во мне универсалистского еврейского начала. Между таким началом и собой он возвел невидимую, но непроницаемую стену. Не потому, что он – непримиримый, начальный враг универсализма, совсем не национально-замкнутый, национально-ограниченный человек, но в наше время универсализм казался ему центральной опасностью, угрожавшей духовному существованию его народа. А евреи в его глазах были носителями универсализма – даже самые лучшие. Вот две его рассказа, запомнившиеся мне в лагере:

– Под следствием я сидел в одной камере с Семеном Глузманом. Совсем молодой психиатр, мальчик, с челкой и такими вот, – он показал, – пухлыми губами. Сделал блестящую экспертизу по Григоренко. Елена Боннэр, когда его впервые увидела, не поверила, что это он: «Такой молодой, и сделал такую работу» ...Получил 12 лет и удивленно говорил мне: «Ведь это почти столько, сколько существует мое сознание». Один из лучших людей, которых я встречал в жизни. И можешь представить мое самочувствие: замечательный человек, диссидент, который пошел в тюрьму, родился и вырос в Киеве, жил у нас все годы, а в гебистской тюрьме я должен, – тут Василь приложил руку к груди, словно сердце прихватило, – разговаривать с ним по-русски...

Второй рассказ:

– Ты не встречал на зоне Бергера? Еврей, ленинградский поэт. Сел по делу кружка Брауна.

– Нет. Он еще до меня пошел в ссылку.

– Странный... В Израиль ехать отказывается. Я, мол, русский поэт, связанный с русским языком, русской культурой. В Израиле для меня все чужое. – Василь сделал длинную паузу. – Доказывает, доказывает ... Не понимаю, зачем нужно логически обосновывать, любишь ты свою мать или нет.

И обрезал неприятный ему разговор о Бергере.

Почему же Василь сначала думал, что я принадлежу к людям, для которых любовь к матери – предмет логических упражнений? Я думал об этом на зоне.

Мужественные и несокрушимые люди, украинцы все же были побежденными. Пусть временно, но пока торжествовали враги, «свиньи, задними копытами отталкивали друг друга от кормушки», как выразился один раз Стус. Поражение в национальной битве создавало вокруг них поле трагедии, поле повышенной чувствительности ко всему, что затрагивает национальный нерв души. Мое спокойное отношение к собственным

национальным делам воспринималось Стусом как равнодушие к ним и, следовательно, как духовная ущербность.

На самом деле все оказалось другим. Евреи в зоне просто чувствовали себя победителями. Военнопленными, захваченными армией, тем не менее уже потерпевшей поражение. Израиль не просто существовал (что само по себе тоже победа): еще важнее для ощущений советского зэка-еврея, он ежемесячно бил и бил советскую империю. Конечно, не под дых – увы! – а только щелкал ее по носу, но как это было приятно!

Это создавало в моей душе особую, непонятную Стусу настроенность национального спокойствия: мы, евреи, в это время старались не болеть национально. На глазах исчезала (по-разному у разных людей, конечно) привычная со сталинских времен, напряженная подозрительность к «чужакам», нервная уязвимость к каждому упреку, критическому замечанию. Конечно, шел процесс, а результат еще смутно обозначался, но общее его направление было бесспорно ясным.

И наоборот, у побежденных украинцев национальная боль становилась центром мироощущения. И поэтому, наверное, до этапа на 19-ю зону в августе 1976-го, я, человек, совсем не склонный подчеркивать свое еврейство и размышлять об Израиле с педалированной объективностью, казался Василю Стусу товарищем по страданиям, по борьбе, но не по душе.

По крайней мере мне так казалось.»

Из моей недавней беседы с Габриэлем Суперфином:

«...В лагере было немного трудно. Потому что была какая-то недосказанность, напряженность. Но она шла от меня самого. Потому что в среде «своих» не надо напрягаться, следить за своей корректностью (чтобы случайно бестактно не обидеть). Было (да и сейчас бывает) чувство, что в каждой национальной среде есть то, что не открывается в присутствии «чужого». Но напряжения в зоне с молодыми украинцами – Антонюком, Пронюком, Светличным не было. В камере трудно было:

возмущала одержимость Анатолия Здороваго. Но еврейской темы (в смысле антисемитизма) я просто не помню. А когда украинцы были национально ориентированные, то к сионистам они относились как к товарищам по борьбе (возможно я был несколько ироничен по отношению к сионистам, но лично с ними мне было вполне родственно). Резюмируя, оценочно скажу: в лагере существовал дружеский альянс демократов-украинцев и тех, примыкавших к ним, западников-оуновцев и подпольщиков 60-х, с евреями-сионистами и евреями демократического направления. Но мне с украинцами, как и с немцами, как с эстонцами, общаться приходилось немного напряженно. Но это из-за моей такой внутренней настороженности. Или из-за недостатка знания языка? ...понятно, сознанием это близкие мне люди, абсолютное к ним доверие и любовь, сострадание. Но глубоко спрятаны эмоции – страх сблизиться – сохраняются (кстати, у таких ярких людей, как Антонюк и Иван Светличный, ощущался комплекс неполноценности, мол, и Шевченко поэт ограниченного содержания, и язык наш не столь богат и гибок, и мы – провинция, а наша наука – историческая – просто стыд). Не могу избавиться до сих пор от чувства, что полной откровенности в общении с украинцами не было (это не подозрение их в антисемитизме, а как будто ощущение, что мы русские или русифицированные евреи не можем понять до конца их боли, их тоски по родине, разделить их ненависть к оккупантам и т.д.). Казалось, что есть темы, которые могут обсуждаться только среди «своих». Все равно, кто эти «свои» – русские, евреи, украинцы и т.п. Чувство «некомфортности». Мне легче было среди полуевреев, при том что я безусловно по культуре русский».

Михаил Хейфец [23]:

«...Избежав опасностей ассимиляции, националист-интеллигент видит в традиции символ чистоты. Но – с большой тонкостью отмечает [Франц] Фанон – возникает разрыв между традицией и уровнем современного европейского развития такого интеллигента. И этот разрыв порождает глубоко скрытый комплекс национальной неполноценности. Интеллигент видит недостатки своего народа, осознает их, но не может,

не смеет о них сказать, опасаясь ненароком опорочить, оскорбить свой и без того оскорбленный народ, его национальное чувство.

Я наблюдал не раз этот парадокс, этот комплекс даже у такого, на мой взгляд, высокоталантливого и по-настоящему, на высшем европейском уровне образованного человека, как поэт Василь Стус. После чтения «Летописи Самовидца» я сказал ему:

– Больше всего поражает меня автор. Это очень хороший человек. Это человек редкого в то время сердца: он жалеет жертвы казачьих набегов, жалеет евреев, поляков и своих мужиков. И при этом он совершенно не жалеет Украины. Понимаете, не украинцев, а Украины. Абсолютно спокойно, и даже с симпатией, пишет, как казаки приглашали иностранцев на родину – калмыков, татар, москвичей, турок. Как это сочеталось – великодушие и гуманизм с таким странным отсутствием патриотизма?

Василь долго сидел молча. Его красивая, как у арабского скакуна чистых кровей, голова задумчиво опущена в землю. Затем с усилием сказал:

– Я думаю, что это связано не с его личным характером, а с некоторыми чертами характера моего народа. Но об этом я бы не хотел говорить с тобой, Миша».

Выводы

1. Украинские и еврейские диссиденты в 60–80-х гг. до того, как оказаться в тюрьме и лагерях почти не были знакомы, друг о друге они могли узнать немного из радиоголосов и самиздата.
2. Коммунистическая репрессивная система свела диссидентов разных национальностей в места лишения свободы, и только там они смогли познакомиться и сблизиться в попытке узнать друг друга и вместе сопротивляться администрации и КГБ.

3. Только общение между украинскими и еврейскими диссидентами в заключении позволило им преодолеть существующие стереотипы и заложить основу будущего сосуществования их народов как внутри страны, так и в межгосударственном формате.

4. В 60–80-е гг. общая борьба украинских и еврейских диссидентов была мало известна в Украине. В США и Канаде о ней знали больше, что способствовало определенному преодолению барьеров между диаспорами, которые прежде относились друг к другу очень настороженно.

5. Информация о совместной борьбе начала распространяться в Украине только на закате советской власти и после обретения независимости, когда все заключенные, оставшиеся в живых, освободились из мест заключения и начали выступать в прессе, активно участвовать в общественной и политической жизни.

6. В настоящее время украинские и еврейские диссиденты живут преимущественно в разных государствах, где активно участвуют в развитии своих стран и способствуют в значительной степени налаживанию дружественных отношений между государствами, но между собой почти не общаются в постоянном формате.

7. Те немногочисленные еврейские диссиденты, которые остались в Украине, и дальше поддерживают дружеские отношения со своими украинскими братьями и вместе способствуют положительным преобразованиям в стране.

Ссылки

1. Павло-Роберт Магочій, Йоханан Петровський-Штерн, «Євреї та українці: тисячоліття співіснування», Ужгород, видавництво Валерія Падяка, 2016.

2. Електронна єврейська енциклопедія, <http://www.eleven.co.il/>

3. Володимир В'ятрович, Чи була ОУН антисемітською?, <https://zbruc.eu/node/64962>

4. Електронна єврейська енциклопедія, Євреї Росії у лютому-листопаді 1917 року, <http://www.eleven.co.il/>
5. Інтерв'ю Натана Щаранського, <https://www.ostro.org/donetsk/society/articles/492937/>
6. «Если не сейчас...», Київ, «Дух і Літера», 2000.
7. «Господи, Ти відкриєш уста мої...», Йосиф Зісельс у розмовах з Ізою Хруслинською, К., Дух і літера, 2017.
8. Александр Подрабинек, «Диссиденты», Москва, АСТ, 2014.
9. Глузман С.Ф., Рисунки по памяти, или воспоминания отсидента, К., Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012.
10. «Форум націй», № 6/121 – Червень 2012, <http://www.forumn.kiev.ua/newspaper/archive/121/zustrich-v-kyyevi-z-iosefom-mendelevychem.html>
11. Людмила Алексеева «История инакомыслия в СССР», - М., Моск. Хельсинк. группа, 2012.
12. Овсієнко Василь, Світло людей: Мемуари та публіцистика. У 2 кн. Кн. 1 / Упорядкував автор; Худож.-оформлювач Б.Є.Захаров. – 2-ге видання, доп. Харків: – Харківська правозахисна група; К.: Смолоскип, 2005. (Додатковий наклад – Харків: Харківська правозахисна група; Права людини, 2007), с. 300-308:
13. Мирослав Маринович, «Всесвіт за колючим дротом» (Спогади та роздуми дисидента) Видавництво УКУ, Львів, 2016.
14. Інтерв'ю Миколи Горбаля Йосифу Зісельсу, 8.09.2017 г.
15. Юрій А. Вудка, Московщина (Мемуарний есей), Українська видавнича спілка, Лондон, 1978.
16. Доброокий: Спогади про Івана Світличного, упоряд. Надія Світлична, Леоніда Світлична, 1998.
17. Менора. 1973–2013. http://berkovich-zametki.com/Kiosk/Menora_40.pdf

18. Інтерв'ю Левка Лук'яненко Йосифу Зисельсу, 28.08.2017 г.
19. Хруслінська Ізабелла, Тима Петро, Діалоги порозуміння: Українсько-єврейські взаємини, К., « Дух і Літера», 2011.
- 20.**
21. «Операция «Свадьба», http://jhistory.nfurman.com/zion/zion008_06.htm
22. Михаил Хейфец, Украинские силуэты, ХПГ, Харьков, «Фолио», 2000.
23. Михаил Хейфец, «Мирное время. Русское поле»,
<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9138>
24. digitized by ukrbiblioteka.org Сучасність література, мистецтво, суспільне життя, червень 1975, 6 (174).
25. <http://www.patriyarkhat.org.ua/statti-zhurnalu/vymahayut-spravedlyvosty-nadaty-zvannya-pravednyka-svitu-mytopolytovi-sheptytskomu/>
26. ух опору в Україні, 1960-1990, Енциклопедичний довідник, Київ, «Смолоскип», 2010.
27. Євген Сверстюк, Діти різних народів. Передмова до книги «Іноземці про українських в'язнів», Спогади / Упор. Олена Голуб; передм. Євгена Сверстюка. – К.: Смолоскип, 2013.

Моя искренная благодарность всем коллегам и узникам-побратимам, оказавшим мне помощь в подготовке этого доклада:

Татьяне Хорунжей, Ирине Володарской, Галине Хараз, Михаилу Гольду, Святославу Бакису, Мирославу Мариновичу, Богдану Ребрику, Василю Овсиенко, Семену Глузману, Миколі Горбалу, Габриэлю Суперфину, Зоряну Попадюку, Олесю Шевченко, Анатолию Альтману.